

УДК 82.091

КАРПОВ И.П.

**«МОИ УТРАЧЕННЫЕ ГОДЫ» (А.С. ПУШКИН – ПОЭТ
РЕВОЛЮЦИИ?)**

В статье рассматриваются проблемы «вольнлюбивой» лирики А. С. Пушкина, влияние на поэта идеологии декабризма, приёмы поэтической революционной агитации.

Ключевые слова: поэзия, идеология, декабризм, масонство, вольнодумство.

Во многом видели величие Пушкина – и справедливо: он и «единственное явление русского духа» (Н.В. Гоголь), и «солнце нашей Поэзии» (В.Ф. Одоевский), и «наше всё» (А.А. Григорьев), и «пророк и провозвестник» (Ф.М. Достоевский)... Меньше обращалось внимания на ту бездну отрицания, скептицизма, в которой оказался юный Пушкин в последний год пребывания в Царскосельском лицее, в Петербурге и во время службы на юге, а это 1817–1824 годы – семь-восемь лет молодости. Об этом периоде своей жизни Пушкин писал в 1828 году (стихотворение «Воспоминание», другие названия – «Бессонница», «Бдение»):

И с отвращением читаю жизнь мою,
Я трепещу и проклинаяю,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Далее в рукописи было:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гонении, в степях
Мои утраченные годы. [20, 137]

Во время «утраченных» лет всё, от чего зрелому Пушкину горько до слёз, виделось иначе: там были «легкокрылые забавы», «печальная

праздность», «ночь восторгов, ночь забвенья», «свобода» – совсем не «гибельная», а желанная как «звезда пленительного счастья».

Что же произошло с Пушкиным, который, только-только входя в литературу, был сразу принят в объединение «Арзамас», петербургское «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Зелёную лампу» («побочная управа» одного из первых тайных декабристских обществ «Союза Благоденствия») и стал служить «под знаменами Либералистов» – по определению Н.М. Карамзина (письмо к И.И. Дмитриеву от 19 апреля 1820 г.)? И как ему удалось, в конце концов, избежать нравственного и творческого падения и воплотить в своих лучших зрелых произведениях национально-патриотическое и государственное мышление?

«Пушкин, являющийся духовной вершиной своей эпохи, – одновременно является символом победы русского духа над вольтерьянством и масонством» [3, 316], – с особым вниманием отнесёмся к этой мысли Бориса Башилова, именно в таком ракурсе исследовавшего проблему «Пушкин и масоны».

Пушкиниана сегодня так велика, каждый факт жизни и творчества Пушкина исследован, поэтому сегодня стоит задача не только продолжить скрупулёзные изыскания, но и согласовать общую концепцию творчества поэта с современным видением истории России первой половины XIX века.

Выйдя из лицея, Пушкин оказался в кругу людей разных идеологий. Друзьями Пушкина становятся монархисты Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский, скептик П.Я. Чаадаев, либерал П.А. Вяземский, деятельный организатор масонского и декабристского подполья М.Ф. Орлов.

Несмотря на то, что юный Пушкин был принят в семье Н.М. Карамзина, несмотря на то, что Н.М. Карамзин остерегал Пушкина от вольнодумства, юный поэт такими стихами откликнулся на появление «Истории государства Российского»:

В его «Истории» изящность, простота

Доказывают нам, без всякого пристрастья,

Необходимость самовластья

И прелести кнута (1818) [19, 69]

Стоит сравнить подобные стихи (особенно «Сказки. Noël», «Вольность», «Деревня») с «Воспоминаниями в Царском Селе» и «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году», в которых Пушкин выражает своё восхищение героической историей России, Екатериной Великой и Александром I («Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!»), чтобы увидеть, насколько резко изменились настроения и оценки Пушкина.

Так уж получилось в России, что многие воины ее, подданные Государя Императора, – как сейчас пишут, «герои Отечественной войны 1812 года», а таковыми они и были, – однако некоторые из этих героев возвращались с войны не со щитом победы и гордости за свою страну, а несли на своих щитах идеи мятежа и революции.

В центре политической и идеологической борьбы оказались две силы: патриоты-государственники и масоны-либералы-революционеры [См.: 4, 7, 9, 17].

Первые выступали против масонов, против распространения революционных идей, добились запрета тайных масонских обществ, выдворения из страны иезуитов, отстранения от дел исполнявшего должность обер-прокурора, занимавшего пост министра народного просвещения, мистика и масона А.Н. Голицына, участвовали в православном и национальном сопротивлении инославному влиянию. Сегодня этих людей называют «русской партией» [См.: 13].

«Душой русской партии, – пишет современный исследователь, руководитель Института русской цивилизации О.А. Платонов, – был гр. А.А. Аракчеев, сумевший объединить вокруг себя целый ряд государственных деятелей, стоявших на твердых патриотических позициях. Среди них были государственный секретарь А.С. Шишков, председатель Комитета министров Вязьмитинов, генерал-адъютант Балашов, кн.

Багратион, вел. кн. Екатерина Павловна. Вот эти люди последовательно отстаивали национальные интересы России» [16, 22].

Сюда же необходимо отнести активно выступающего против масонско-космополитической системы образования М.Л. Магницкого и архимандрита, настоятеля новгородского Юрьевского монастыря Фотия (Спасского).

Вторые создавали атмосферу всеобщего отрицания, масонские тайные общества, готовили Россию к революции. Молодой Пушкин оказался преимущественно в их окружении, особенно во время службы на юге, о чём красноречиво свидетельствуют исследования его биографии этого периода, в концентрированном виде представленные в списках контактов [См.: 24, 26].

«Покровительствовал» молодому Пушкину и в «Арзамасе», и во время службы на юге граф М.Ф. Орлов, генерал-майор, основатель преддекабристской организации «Орден русских рыцарей», руководитель Кишиневской управы тайного общества декабристов, женатый на Екатерине Раевской, дочери генерала Н.Н. Раевского. Внебрачный сын Ф.Г. Орлова – одного из братьев Орловых, помогавших Екатерине II взойти на престол.

На следствии по делу декабристов М.Ф. Орлов вёл себя дерзко, до наглости. Прекрасную характеристику этому «преобразователю России» дал император Николай I в своих записях о следствии: «Орлов жил в отставке в Москве. С большим умом, благородной наружностью, он имел привлекательный дар слова. Быв флигель-адъютантом при покойном императоре, он им назначен был при сдаче Парижа для переговоров. Пользуясь долго особенным благорасположением государя, он принадлежал к числу людей, которых счастье избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, считав, что они рождены для преобразования России».

Государь сначала принял М.Ф. Орлова «как старого товарища», «сказал ему, посадив с собой», что ему «больно видеть» его «у себя без шпаги».

«Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной
<...>

– Прошу вас, Михаил Фёдорович, не заставляйте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам обращению искренностью.

Тут он рассмеялся ещё язвительнее и сказал мне:

– Разве общество под названием “Арзамас” хотите вы узнать?» [15, 275—276].

Такие люди, как М.Ф. Орлов, идеологически готовили юнцов (типа Пушкина) к будущему мятежу.

В «Арзамасе» (1815–1818), о котором язвил М.Ф. Орлов, из тайных обществ, кроме него, были Н.И. Тургенев и Н.М. Муравьев.

Литературные салоны и общества были только внешне литературными, но цель их в бурлящей идеологической атмосфере конца 1810 – начале 1820-х гг. была одна: поддержка той или иной политической силы.

«В члены Северного общества набирались и члены литературного кружка, группировавшегося вокруг Рылеева и А. Бестужева, – пишет современный исследователь декабризма. – Грибоедов, прибыв в Петербург, органично вошёл в члены этого кружка»; «Грибоедов был как нельзя более важен и ценен с точки зрения пропаганды и просветительской деятельности в духе тайного общества, ещё большее значение ему придавал факт авторства лучшего произведения агитационного характера, с точки зрения «либералистов»; его выдающийся талант не подвергался сомнению, равно как свободомыслие и патриотизм» [8, 208, 208—209].

Царскосельский Лицей, открытый императором Александром I для обучения своих младших братьев и подготовки верноподданнической элиты, и Московский университет оказались рассадниками вольнодумства и безверия.

Видимо, прав был князь А.Н. Голицын, который на увещевания архимандрита Фотия (Спасского) прекратить распространения неверия и антиправительственных настроений, сказал: «Что же мне теперь делать? Все университеты и учебные заведения сформированы уже для революции» [25, 53].

Атмосфера «осмеяние чего бы то ни было» – это характерная черта предгрозового времени, в ней прорастают семена революций. Верно советские исследователи называли комедию А.С. Грибоедова – «агитационным документом декабризма» (М.В. Нечкина) [14, 76]. Такими же агитационными стихами и Пушкин «наводнил» Россию, за что и был отправлен в южную «ссылку». «Горе от ума» А.С. Грибоедова, – вспоминал декабрист Д.И. Завалишин, – сделалось популярным, как было популярно тогда *всякое осмеяние чего бы то ни было* в тогдашнем порядке вещей (свидетельством служат множество пародий на известные произведения, сделавшиеся даже более любимыми и известными, чем самые произведения)...» [5, 161].

«Южная ссылка» – так до сих пор называют службу Пушкина в Кишинёве и Одессе. Для нас – людей, проживших XX в., слово «ссылка» чаще всего ассоциирует с Сибирью, материальными лишениями, политическим бесправием. В жизни Пушкина, конечно, никакой ссылки не было, был перевод по службе из Петербурга в Кишинёв и Одессу под командование генералов сначала И.Н. Инзова, потом М.С. Воронцова.

«Ссылка» началась для Пушкина четырёхмесячным путешествием с семьёй генерала Н.Н. Раевского-старшего по югу (28 мая – 21 сентября 1820 г.).

Гнев императора Александра I на Пушкина за его эпиграммы, «Деревню», особенно «Вольность» закончился тем, что масоны севера перевели Пушкина к масонам южным. Список людей, с кем общался Пушкин на юге, впечатляет обилием тех, кто уже к 1820-му году готовили революцию в России [См.: 24].

Именно агитационные произведения таких писателей, как А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев, были наиболее ценными для масонов и их последователей декабристов.

Первая задача агитационной пропаганды во все предреволюционные времена – создавать у людей чувство, что в стране *всё плохо*. Но сначала

необходимо, чтобы сам человек, автор агитационных «документов», проникся этим состоянием.

Молодой Пушкин пишет прямо в духе Чацкого, предвосхищая комедию А.С. Грибоедова.

В стихотворении «Тень Фонвизина»: Фонвизин, «известный русский весельчак», возвращается с того света на землю и видит, что в России ничего не изменилось, всё так же скверно, как и при его жизни.

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чём не изменился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житьё, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублёвых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит(1815) [19, 388—389].

В другом стихотворении – тоже в духе Чацкого:

Краёв чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моём
Где верный ум, где гений мы найдём?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной? (1817) [19, 42].

Конечно, дело не в том, что Грибоедов что-то заимствовал у Пушкина, просто поэты черпали свои мысли из одного источника – атмосферы отрицания и осмеяния.

Первый, кто должен был подвергнут тотальной критике и всеобщему осмеянию – Государь Император и в его лице монархическая форма правления. Пушкин пишет шутовскую сатиру на царя – «Сказки. Ноёл»:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!» (1818) [19, 64].

В этом же году – стихотворение «К Чаадаеву», в котором – «гнёт власти роковой» и надежда, что «на обломках самовластья / Напишут наши имена».

В планы заговорщиков-декабристов входили или конституционная монархия, или республика с убийством царя. Вот и Пушкин повторяет популярные стихи недавно отшумевшей французской революции, которые в свою очередь были переложением фразы аббата Жана Мелье, французского материалиста и атеиста (начало XVIII в.) [См.: 12].

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа

Последнего царя удавим (1819) [19, 535].

Принадлежит ли это четверостишие Пушкину – об этом учёные спорят [См.: 23, с. 107-117]. Но содержание стихотворения вполне в духе других «вольнoлюбивых» произведений поэта. И даже если оно не пушкинское, то значим сам факт распространения таких стихов в среде русского дворянства.

Дальше – стихотворение «Кинжал» (июль 1821 г.):

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды [19, 144].

В стихотворении прославляются убийца террориста-якобинца Марата Шарлотта Кордэ (гильотинирована якобинцами) и немецкий студент Карл Людвиг Занд (казнён), заколовший Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу. О последнем в комментариях сказано: «реакционный немецкий писатель, служивший агентом русского правительства» [19, 657], т. е. пишется так, будто если человек «агент русского правительства», то туда ему и дорога.

В последовавшей за подобными стихами южной «ссылке», в которой Пушкин брал уроки «чистого афеизма» (атеизма) у домашнего врача графа М.С. Воронцова, англичанина Вильяма Гутчинсона [См.: 6] и вступил в масонскую ложу, он мог бы превратиться, учитывая его поэтический талант, в революционного поэта мирового масштаба.

Князь П.И. Долгоруков записал в дневнике от 20 июля 1822 г. о встрече с Пушкиным в Кишинёве: Пушкин говорил, что «штатские чиновники – подлецы и воры, генералы – скоты большей частью, один класс земледельцев – почтенный»; «На дворян, русских особенно, нападал Пушкин. Их надо всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» [18, 132].

Второй объект буквально ненависти Пушкина раннего периода – приближённые императора. Например, А.С. Стурдза – дипломат, публицист,

который по поручению Александра I («венчанного солдата») для членов Аахенского конгресса (1818 г.) написал «Записку о настоящем положении Германии», в которой утверждал, что германские университеты являются рассадником революционных идей и атеизма, доказывал необходимость полицейского надзора за университетами:

Холоп венчального солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу (1819) [19, 100].

Вновь, как и в стихотворении «Кинжал», говорится о возможности тайного убийства. *Стоишь смерти*, т. е. стоишь быть заколотым. Такой же смерти «достоин» и председатель военного департамента Государственного Совета и управляющий канцелярией Комитета министров в последние годы правления Александра I А.А. Аракчеев, деятельность которого, на самом деле, много способствовала внутренней целостности страны и её экономическому благополучию.

В столице он – капрал, в Чугуеве – Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он (1819) [19, 534].

Резко отрицательная характеристика А.А. Аракчеева продолжена и в следующей эпиграмме.

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести*,
<...> грошевой солдат (1820) [19, 127; Выделено нами. –
И.К.]

Все эти оценки и «пожелания» свидетельствуют о том, как и в каком направлении молодого Пушкина ориентировало его масонское окружение.

Одно из интереснейших требований, выдвигаемых либералами и революционером, было *уничтожение крепостничества*. Интереснейших, потому что крепостное право, т. е. использование труда крестьян, было основой благосостояния всего дворянского сословия. В стихотворении «Воспоминание» (1828) Пушкин среди бед его юности упоминает бедность. Получаемого по службе жалования ему не хватало, отсюда ссоры с отцом, который не высылал ему денег, т. е. овеществленного труда тех же крепостных.

Все это проблемы взрослой жизни, а юноша Пушкин пишет стихотворение «Деревня», во второй части которого, не предназначенного для печати, сетует на «барство дикое».

Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут

Для прихоти бесчувственной злодея (1819) [19, 82].

Об отмене крепостного права задумывались и Александр I, и Николай I. Но как это было сделать, чтобы не взорвать страну гражданской войной? Это удалось только Александру II Освободителю в 1861 году. Отмена крепостного права и Пушкиным, и некоторыми декабристами мыслилась в каком-то романтическом ореоле человеколюбия. Но сами по себе, по своей психологии все они были крепостниками. Если Евгений Онегин и заменил барщину оброком, то это никак не повлияло на его материальное положение. Никто из этих «вольнлюбивых» людей не отпустил своих крепостных на свободу.

Исследователи экономического положения России начала XIX века приходят к выводу, что быт российского крестьянства не был более тягостным, «чем жизнь рядовых европейцев и не соответствовал пасквильному его изображению на страницах ряда художественных произведений» [16, 47].

Следующим объектом пушкинского отрицания являются «литературные» противники – «шишковисты»:

Угрюмых тройка есть певцов –
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов –
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской! (1815) [19, 410].

В других стихах: «славенские глупцы» [19, 410], «Вражды и Зависти угрюмые сына», «Бесмыслицы дружины боевые» [19, 434].

Литературная игра «карамзинистов» против «шишковистов» в основе своей имела чётко выраженную идейно-политическую направленность как выступление против национально-патриотической идеологии.

Националистами и патриотами провозглашали себя и некоторые декабристы. В.К. Кюхельбекер, будучи уже в ссылке, в 1836 году записал в дневнике: «<...> Вот уже 12 лет служу в дружине славян под знамёнами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова» [11, 458].

Однако *А.С. Шишков* (адмирал и писатель, военный и государственный деятель, секретарь и министр народного просвещения, ведущий идеолог времени Отечественной войны 1812 года, глава общества «Беседа любителей русского слова», *С.А. Ширинский-Шихматов* (иеромонах Аникита) (духовный и светский писатель, член Российской академии, академик Императорской Академии наук) и *А.А. Шаховской* (драматург, участник Отечественной войны 1812 г., командир тульской дружины, автор около 60 пьес, в том числе и переделок сочинений А.С. Пушкина) были не с

декабристами, а с теми, кто боролся против масонов и революционеров-заговорщиков, кто участвовал в православном и национальном сопротивлении инославному влиянию.

Не случайно за весь период Советской власти насколько полно изданы все представители «передовой» русской литературы, настолько не изданы их противники – «шишковисты», «консерваторы», «реакционеры». Только в последние годы начинают появляться некоторые их произведения, например, того же А.С. Шишкова [См.: 27].

Но до сих пор ода «Бог» Г.Р. Державина активно изучается, а ода «Христос» – труднодоступна; стихотворение либерала П.А. Вяземского «Русский бог» – во всех изданиях, а его православно-патриотическое стихотворение «Святая Русь» – нигде.

Пройдёт время, и Пушкин даст высокую оценку А.С. Шишкову, особо отмечая заслуги адмирала в войне 1812 года (в письме к П.А. Вяземскому, 25 января 1825). *«Но строк печальных не стираю»*, – писал Пушкин, вспоминая свою молодость. Однако, некоторые строки он «стирал», отрекался от них. Это «строки» его «Гавриилиады» (предположительно написана 3–9 апреля 1821 года, опять же в южной «ссылке»). «Прекрасной шалостью» была эта поэма для либерала и масона П.А. Вяземского, для советских пушкинистов — «остроумная, блестящая антирелигиозная сатира» (С.М. Бонди), для всякого здравомыслящего человека, хотя бы просто с уважением относящегося к любой вере, она воспринимается совсем по-иному.

Начинался этот путь с постоянного высмеивания священнослужителей: «Исповедь бедного стихотворца» (1814), «Городок (К ***)» (1815) – «...Сельских иереев, / Как папа иудеев, / Я вовсе не люблю...»... На выпускном акте из лица Пушкин читал стихи «Безверие» (1817), причём в присутствии Александра I. Конечно, в стихотворении неверие осуждается, говорится о том, каким несчастьем грозит неверие человеку, но... «Ум ищет божества, а сердце не находит» [19, 477].

В «южном» стихотворении «В.Л. Давыдову» (декабристу):

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю –
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи (1821) [19, 146]

Такого же рода и эпиграммы 1824 года на архимандрита Фотия и графиню А.А. Орлову-Чесменскую. Хотя, естественно, проблему пушкинской религиозности необходимо рассматривать, имея в виду, прежде всего, зрелое творчество поэта, как это и делали представители русской религиозной философии и мыслители русского православия [См.: 1, 2, 22].

Погружение в «гибельную свободу» и преодоление её, т. е. идеологии масонства и декабризма, возвращение к национальному патриотическому православному мировосприятию – вот одна из самых актуальных тем, достойных изучения, ибо и в этом величие Пушкина – как человека и поэта – в преодолении отрицания.

Во время двухгодичного сидения в Михайловском с Пушкина будто слетает всё это наносное вольнодумство. И тем очевиднее становится, что в «утраченные годы» он находился под мощным влиянием чуждого ему мировосприятия, сохранив от него лучшую часть своей души. Только-только оказавшись в родной русской стихии, Пушкин создаёт одно из своих главных зрелых произведений – трагедию «Борис Годунов» (с образом монаха и летописца Пимена), пишет посвящение к «Руслану и Людмиле» («У лукоморья дуб зеленый...»), пересматривает своё отношение к самой русской действительности и становится одним из тех, кто начинает воплощать в

своём творчестве новую идеологию «самодержавия — православия — народности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастасий (Грибановский), митр. Архипастырские послания, слова и речи, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви / Анастасий (Грибановский). — Джорданвилл, 1956. — 262 с.
2. Анастасий (Грибановский), митр. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви / Анастасий (Грибановский). — Мюнхен : Обитель преп. Иова Почаевского, 1999. — 94 с.
3. Башилов Б. История русского масонства / Борис Башилов. — М. : Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. — 640 с.
4. Бокова В. И. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. / В. И. Бокова. — М. : Реалии-Пресс, 2003. — 651 с.
5. Грибоедов А. С. в воспоминаниях современников / вступ. ст., прим. и подготовка текста С. А. Фомичева ; коммент. П. С. Краснова и С. А. Фомичева. — М. : Худож. л-ра., 1980. — 448 с.
6. Гроссман Л. Кто был «умный афей»? / Л. Гроссман // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии ; АН СССР, Ин-т литературы. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 414—419.
7. Жмакин Василий, прот. Обличитель масонства : Жизнеописание святителя Иннокентия Пензенского / Жмакин Василий. — М. : Сестричество во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2006. — 192 с.
8. Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. — 664 с.

9. Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века / Ю. Е. Кондаков. — СПб. : Российская национальная библиотека, 2003. — 360 с.
10. Кудров В. М. Россия и мир: Экономика России в мировом контексте / В. М. Кудров— 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Алетейя ; М. : ГУ ВШЭ, 2010. — 575 с.
11. Кюхельбекер В. К. Сочинения / В. К. Кюхельбекер ; сост., подгот. текста, коммент. В. Рака, Н. Романова ; вступ. ст. Н. Романова. — Л. : Худож. л-ра., 1989. — 576 с.
12. Мелье Ж. Завещание / Ж. Мелье ; пер. с франц. Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова ; под ред. Ф. А. Коган-Бернштейн ; пер. приложения и коммент. Ф. Б. Шуваловой ; вступ. ст. В. П. Волгина. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — Т. I. — 1954. — 439 с.
13. Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. — М. : Институт Русской Цивилизации, 2013. — 528 с.
14. Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова / М. В. Нечкина. — М. : Мысль, 1982. — 102 с.
15. Николай I : Личность и эпоха. Новые материалы / отв. ред. А. Н. Цамутали. — СПб. : Изд-во «Нестор-История», 2007. — 530 с.
16. Платонов О. А. Война с внутренним врагом. История и идеология русского патриотизма / О. А. Платонов. — М. : Алгоритм, 2006. — 432 с.
17. Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А. Ю. Минаков. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005 . — 417 с.
18. Пушкин А. С. в воспоминаниях современников / вступ. ст. В. Э. Вацуро ; сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. — М. : Худож. л-ра., 1974. — Т. 1. — 1974. — 543 с.
19. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — М. : Худож. л-ра, 1974—1978. — Т. 1. — 1974. — 744 с.

20. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — М. : Худож. л-ра., 1974—1978. — Т. 2. — 1974. — 688 с.
21. Пушкин А. С. : Путь к Православию. — М. : Изд-во «Отчий дом», 1996. — 336 с.
22. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX в. — М. : Книга, 1990. — 527 с.
23. Рак В. Д. К истории четверостишия, приписанного Пушкину / В. Д. Рак // Временник Пушкинской комиссии – 1973 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л. : Наука, 1975. — С. 107—117.
24. Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии : моногр. исслед. / Б. А. Трубецкой. — 6-е изд., перераб. и доп. — Кишинев : Лит. артистикэ, 1990. — 477 с.
25. Фотий (Спасский), арх. Борьба за веру. Против масонов / Фотий (Спасский) ; сост. предисл. и примеч. В. Улыбин ; отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2010. — 400 с.
26. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / Л. А. Черейский. — 2-е изд., доп. и перераб. — Л. : Наука, 1989. — 544 с.
27. Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству / А. С. Шишков. — М. : Институт русской цивилизации, 2011. — 672 с.

КАРПОВ І.П.

«МОЇ ВТРАЧЕНІ РОКИ» (О.С. ПУШКІН - ПОЕТ РЕВОЛЮЦІЇ?)

У статті розглядаються проблеми «волелюбної» лірики О. С. Пушкіна, вплив на поета ідеології декабризму, прийоми поетичної революційної агітації.

Ключові слова: поезія, ідеологія, декабризм, масонство, вільнодумство.

KARPOV I.

**«MY LOST YEARS» (A.S. PUSHKIN – POET OF THE
REVOLUTION?)**

The article deals with the problem of «freedom-loving» lyrics by A.S. Pushkin, the influence of the ideology of the Decembrist movement on the poets, poetic techniques of revolutionary agitation.

Key words: poetry, ideology, the Decembrists, freemasonry, free-thinking.

Стаття надійшла до редколегії 16.08.2013 р.